

ЭПОХА НАПОЛЕОНА И ПАМЯТЬ О НЕЙ

*Т. Лени**

СМЕРТЕЛЬНАЯ СХВАТКА ИМПЕРАТОРОВ: НАПОЛЕОН И АЛЕКСАНДР I (ФРАНЦУЗСКИЙ ВЗГЛЯД)

25 июня 1807 г. в Тильзите императоры Наполеон и Александр обнялись на плоту, установленном посреди реки Неман. Две недели спустя Французская и Российская империи подписали договор о мире и взаимной помощи в том, что называют «разделом мира между ними». На самом же деле Тильзит стал сценой дипломатической игры с обеих сторон. С одной стороны, Наполеон как победитель попытался упрочить французское господство в Европе, оставив своему новому союзнику доминирование и контроль лишь на востоке континента. С другой – российский император, разбитый при Фридланде после трех лет войны, хотел перестроить свои силы, прежде чем продолжить проведение своей традиционной, унаследованной от Петра I и Екатерины II, линии на продвижение в западном, северном и южном направлениях. В начале XIX в. интересы Франции и России были диаметрально противоположны, что не оставляло ни малейшего шанса на то, чтобы мир между ними смог устоять под давлением геополитических факторов. А потому пять лет спустя война возобновилась и, в конечном счете, привела к триумфу Александра.

Ключевые слова: Наполеон I, Александр I, Наполеоновские войны, оккупация, военная история

DOI 10.32608/0235-4349-2019-1-52-6-20

«Я только что виделся с императором Александром, и он мне очень понравился. Он отличный император. К тому же он умнее, чем принято считать», – писал Наполеон Жозефине 25 июня 1807 г. Когда читаешь это письмо, помня, что во второй половине того же дня на плоту, сооруженном посреди Немана, император французов и российский самодержец заключили друг друга в объятия, поклявшись в общей «ненависти» (sic!) к англичанам, то вся эта встреча в ходе одного из самых значимых противостояний в исто-

* *Тьерри Лени, директор Фонда Наполеона.*

рии может показаться удивительной. Правда заключается в том, что дипломатическая комедия, разыгранная в Тильзите, ставшим местом объятий и поцелуев, была лишь краткой передышкой в закономерном и беспощадном противоборстве двух императоров. Тогда, в начале XIX в., интересы Франции и России слишком различались для того, чтобы мир, подписанный всего лишь через две недели после сцены на плоту, имел хотя бы малейший шанс устоять против неумолимой логики геополитики.

Когда утром 24 марта 1801 г. Александр, которому был тогда 21 год, вззошел на престол Всея Руси после того как его отец пал жертвой заговора, пассивным соучастником которого был и сам цесаревич, 32-летний Наполеон Бонапарт уже без малого полтора года правил Францией. Одним из приоритетов Первого консула было достижение замирения с Европой. Он это сделал легко и просто. Как ни удивительно, «Бог Войны», как назовет его позднее Клаузевиц, был вначале ангелом-хранителем мира. За несколько недель до воцарения нового Романова Бонапарт подписал в Люневиле мирный договор с Австрией. Как и его злополучный предшественник, Александр не имел особого желания испытывать судьбу на полях сражений, пусть даже за английские деньги, поэтому он не мешал начавшимся переговорам и дал добро на подписание Парижского мира 8 октября 1801 г. Затем последовали и другие соглашения, важнейшим из которых стал Амьенский мир между Францией и Англией 25 марта 1802 г. Впервые с апреля 1792 г. на европейском континенте не было войны.

Но этот всеобщий мир не устранял всех тех противоречий, которые раздирали Европу. Каждой из сторон пришлось умерить свои амбиции, из-за чего достигнутое равновесие было весьма хрупким. Известно, что его нарушила Англия – причем менее чем через год. Однако оказавшись лицом к лицу с превосходящей по силе державой, она стала искать поддержки, настойчиво стараясь привлечь на свою сторону бывших союзников. Россия как раз входила в их число.

Две непримиримые политические линии

Но не одно лишь «лондонское золото» подвигло Санкт-Петербург к возобновлению борьбы. В отличие от своего отца Павла I, которому нравилось наведение Бонапартом порядка во Франции после Брюмера, Александр, по-видимому, не испытывал пиетета к Первому консулу: он видел в нем прежде всего наследника – не столько

новых идей, сколько гегемонистских устремлений – Французской революции. Его пренебрежительному отношению способствовала также недостаточная родовитость Бонапартов. Со своей стороны, Первый консул также разделял то высокомерие, с которым старые державы относились к этим Романовым, неспособным сменить друг друга у власти без кровавой бани или вовремя случившегося удушения, – достойным правителям тех, кого тогда называли «северными варварами». Успев уверовать в то, что он является наследником тысячелетней истории славных королей, глава французской Республики разделял, таким образом, и все их предубеждения в отношении русских царей.

Конечно, будучи государственными деятелями, и Наполеон, и Александр были готовы в случае надобности пренебречь своими личными чувствами, но было и нечто более серьезное. Преобладание Франции не позволяло царю надеяться осуществить традиционный план русской дипломатии: стать европейской державой, продвигая свои пешки на Запад, и иметь постоянный доступ к теплым морям. Говоря конкретно, стать европейской державой означало подчинить себе Финляндию, в то время шведскую, сохранить за собой кусок Польши, полученный в ходе раздела 1793 года, и стать реальным арбитром в делах Германии, многие из малых князей которой находились в союзнических отношениях с русским двором. Иметь доступ к теплым морям значило занять там устойчивые позиции, будь то на Мальте, на Ионических островах или же на Балканах, изгнав оттуда турок-османов и даже – а почему бы и нет? – австрийцев, или, на худой конец, укрепляя союз с Неаполем, где ослабленным Бурбонам также нужна была русская поддержка. Каждый аспект этих дипломатических тропизмов наталкивался на планы Наполеона, состоявшие в том чтобы реорганизовать Германию, нейтрализовав двух других терзавших ее хищников – Пруссию и Австрию, что делало неприемлемым появление на этом поле нового действующего лица; использовать любую возможность для возвращения своих позиций в Польше с целью дальнейшего расширения своего влияния на Восток; заполучить Швецию, остававшуюся грозной силой на севере германского пространства; сделать из Средиземного моря французское озеро, пользуясь достигнутым замирением с Османской империей. И в данном случае неважно, что аппетиты русских беспокоили и других обитателей Европы, начиная с

Англии, не желавшей ни русского Третьего Рима в Константинополе, ни укрепления русских на Ионических островах, ни тем более распространения влияния русской православной церкви на балканские народы.

Мало-помалу Александр I менял свою политику в угоду англофильской и франкофобской ф(р)акции¹ своего окружения – тех самых людей, которые свергли Павла, не без помощи британского посла Уитворта. Со своей стороны, Наполеон, желая ограничить территориальные притязания царя, сделал вид, будто он их удовлетворяет, пойдя после Регенсбургского депутативного собрания, перекроившего карту Германии, на некоторые поблажки германским князьям, связанным родственными узами с Романовыми. Но Александра не удалось провести с помощью такой тактики, целью которой было его «отвлечение» в интересах дальнейшего сдерживания. Его просто бесило, что все полученное им было даровано ему из Парижа. Франко-турецкое сближение и продвижение Наполеона в Италии (аннексия Пьемонта и оккупация нескольких неаполитанских портов) стали последней каплей, убедившей его стать на сторону могущественной санкт-петербургской «партии войны».

Вскоре дело дошло до провокаций. Шокированный казнью герцога Энгиенского (21 марта 1804 г.), Александр объявил при дворе траур, принудив французского посла Эдувиля затребовать паспорта. В ответ газета *Moniteur* опубликовала жесткую отповедь, где упоминалась, между прочим, и роль царя в убийстве отца. Подготовка к войне получила новый мощный импульс после провозглашения 18 мая Французской империи. В июле того же года российский поверенный в делах в Париже Убри передал ноту своего правительства с требованием к Франции оставить всякие притязания на Востоке и покинуть неаполитанские порты. Французским ответом было вежливое, но твердое «нет». Убри, в свою очередь, был отозван в Санкт-Петербург, в то время как его коллега Новосильцев отправился в Лондон с предложением о союзе. Не заставил себя ждать и договор о субсидиях. Так сформировалось ядро новой коалиции. К нему примкнули Австрия и Неаполь, точно так же обеспокоенные судьбой Германии и Италии. Вскоре замыкающей в этом шествии стала Швеция.

¹ Зд. – игра слов: *факция* – политическая группа, партия, преследующая свои, часто узкокорыстные цели – *Прим. пер*

Россия в безвыходном положении

Итак, Александр вступил в войну, но лучше бы он этого не делал. Коалиция 1804 г. развалилась в три этапа: взятие Вены 13 ноября 1805 г., битва при Аустерлице 2 декабря того же года, смена династии в Неаполе в результате воцарения Жозефа Бонапарта 30 марта 1806 г. Хотя полученный удар был мощным – тем более, что царь изъявил желание сам командовать своими армиями и это не принесло ему славы, поражение под Аустерлицем не стало для России фатальным в военном отношении. Именно поэтому война продолжилась, когда Александр нашел себе нового союзника в лице Фридриха Вильгельма III Прусского. Царь и король поклялись друг другу при свечах у могилы Фридриха Великого в вечной дружбе, что было первым проявлением свойственного Александру мистицизма. Однако случившийся вскоре разгром Пруссии при Йене и Ауэрштедте оставил его армию практически один на один с противником. И если при Эйлау (8 февраля 1807 г.) она смогла оказать сопротивление, то при Фридланде 14 июня того же года была полностью разгромлена, почти уничтожена. Для противников настало время переговоров.

Встреча двух императоров была тщательно обставлена. Она состоялась 25 июня 1807 года, среди дня, на большом плоту, оборудованном инженерными войсками французской императорской гвардии посреди Немана. Царь заговорил первым: «Сир, я ненавижу англичан не меньше, чем Вы, и я готов быть Вашим союзником в любом предприятии против Англии». Наполеон ответил ему, что после такого начала можно считать, что мир практически заключен. Так они разговаривали при всех около четверти часа, затем уединились для беседы с глазу на глаз, которая продлилась более полутора часов. Так как на плоту была сильная качка, обмен любезностями и, конечно, переговоры продолжились на берегу. В дальнейшем государи встречались каждый день: проводили совместный смотр войск, инспектировали бивуаки, раздавали подарки и награды. Рука об руку они посетили представление «Комеди франсез», специально прибывшей по этому случаю из Парижа. Газеты обеих стран с упоением описывали происходящее, так что, в конце концов, все уверовали в то, что эти двое «любят друг друга». Однако если бы можно было знать, что на самом деле скрывается за декорациями, взгляду открылась бы гораздо менее романтическая реальность.

Тильзитские состязания в миролюбии – вещь малозначительная в дипломатической встрече такого рода – не должны заслонять главного: Наполеон и Александр, еще две недели тому назад бывшие заклятыми врагами, отнюдь не поддались обаянию друг друга и ни на минуту не забывали о политике. Вскоре после своей первой встречи с императором французов царь писал сестре, великой княгине Екатерине Павловне: «Но что вы скажете об этих событиях? Я провожу целые дни с Бонапартом, часами остаюсь с ним наедине. Согласитесь, что это похоже на сон». Матери же он признавался, что рассчитывал сыграть на «тщеславии» своего собеседника, чтобы спасти то, что еще можно было спасти. Со своей стороны, Наполеон, несмотря на приведенное выше письмо Жозефине, был реалистом отнюдь не в меньшей степени: победа позволяла ему установить Континентальную систему, и он не упустил эту возможность. В отличие от того, что иногда писали, в Тильзите имел место не «раздел мира», а соглашение, продиктованное победителем (Наполеоном) побежденному (Александру). Десять лет разницы между ними и опыт первого позволяли ему воображать себя ментором второго, но, как покажет будущее, в этом он ошибался. Если он и преподавал урок, то это был урок терпения, ибо России нужно было время, чтобы оправиться. В остальном же Александр вовсе не был таким наивным, каким хотел казаться. В тот момент у Наполеона еще были на руках все козыри, но кто мог поручиться, что так будет всегда? Таким образом, российский император сделал ставку на время и на непредвиденные случайности международной обстановки.

7 июля 1807 г. Талейран с французской стороны и Куракин с Лобановым с российской подписали два документа: мирный договор, состоявший из двадцати девяти публичных и семи секретных статей, и договор о союзе из девяти пунктов. Во вступлении сообщались хорошие новости: отныне между двумя империями устанавливались «мир и дружба». На этом любезности заканчивались. Остальное же, то есть главное, представляло собой ряд условий, которые Франция выставляла России. Царь соглашался в силу вещей отказаться (временно, как он полагал) от своих европейских амбиций, унаследованных от бабки, Екатерины II. Он признавал Французскую империю, воцарение Жозефа Бонапарта в Неаполе, существование Рейнского союза под патронажем Франции и создание королевства Вестфалия для Жерома Бонапарта. Германия и

Италия окончательно и бесповоротно уходила из-под российского влияния и переходила непосредственно в орбиту влияния Франции, с согласия средних германских государств (Баварии, Бадена, Вюртемберга, Саксонии и т.д.), объединившихся в Рейнский союз. Сравнение этого германского образования с НАТО времен холодной войны, предложенное таким знатоком дипломатической истории, как Мишель Керотре, наглядно показывает, чего хотел добиться Наполеон. Но еще хуже, если можно так выразиться, было то, что Александру пришлось стать гарантом создания Варшавского герцогства, этакой неназванной Польши, составленной из территорий, отобранных у Пруссии и искусственно отданных под власть короля Саксонии. Таким образом, он соглашался с тем, что любому продвижению России на северо-запад Европы будет препятствовать враждебный кордон. Ибо герцогство должно было стать – в этом ни у кого не было сомнений – сателлитом Франции, постоянно усиливаемым Наполеоном, в особенности после победы над Австрией в 1809 г.

Другие уступки состояли в том, что царь должен был вывести свои войска из Молдавии и Валахии – с территорий, годом ранее отвоеванных у Османской империи. Кроме того, он брал на себя обязательство договориться об окончательном мире с Турцией при посредничестве Наполеона. На этот раз русским предстояло распрощаться с их амбициями на юго-востоке Европы. Войска выведены не были, но данные пункты Тильзитского договора заставляли вспомнить об одной традиции французской дипломатии: укреплении союзов османским тылом.

В действительности, единственным «европейским» преимуществом, которое Россия, по-видимому, извлекла из Тильзитского расклада, была уверенность в неизбежности новых проблем. В самом деле, эти соглашения делали ее «посредником» в англо-французском конфликте, следствием чего было то, что если бы британское правительство до ноября 1807 г. не пошло на заключение мира, Россия должна была не только объявить Англии войну, но и вдобавок участвовать в Континентальной блокаде, то есть прекратить с ней всякую торговлю.

В итоге разгром под Фридрихсборгом дорого обошелся России. Ее европейские планы были полностью расстроены: она уже не могла влиять на судьбы Германии; Варшавское герцогство преграждало ей продвижение на Запад; обязательство договариваться с Тур-

цией закрывало путь на Балканы и в Средиземноморье. После военного разгрома это было почти полное дипломатическое поражение. А вскоре к этому должен был присоединиться экономический крах.

На пути к реваншу

Присоединение России к Континентальной блокаде должно было вынудить ее, с одной стороны, открыть свой рынок для французских товаров (которым предстояло заместить британскую или колониальную продукцию), с другой – лишиться себя таможенных поступлений и согласиться со снижением активности своих портов. Если бы только вдруг не оказалось, что французские товары за ту же цену лучше качеством, а императорский торговый флот смог бы доставить их в любой нужный порт², блокада неизбежно должна была оказать пагубное влияние на российскую экономику, сильно зависевшую от торговли с Англией. Франкофобия окружения царя – и, несомненно, его собственная – от этого лишь многократно возростала. Так что можно сказать, что в течение месяцев, следовавших за Тильзитом, разрыв был окончательно предрешен. Ему суждено было произойти после пяти лет «супружеских измен» и в дальнейшем привести Французскую империю к гибели.

Со своей стороны, Наполеон мог считать, что запер континент на замок. В самом деле, если поместить этот договор в контекст того времени – сделав вид, что мы не знаем, чем все закончилось, – то можно сказать, что для наполеоновской империи он был просто идеальным. Россия почти не пострадала прямо, но при этом не освобождалась от расплаты за свое поражение в ракурсе европейской геополитики. В этом смысле можно говорить о том, что мощь Французской империи и доминирование французов в Европе достигли своего апогея. Избавившись от Австрии после Аустерлица, завоеватель наказал Пруссию подписанным с ней 9 июля, также в Тильзите, двусторонним мирным договором³. Устранив Россию с

² Принимая во внимание соотношение сил на море, товары, экспортируемые в Россию, в конечном счете приходилось везти по суше. Из-за этого было невозможно обеспечить столь же значительные объемы поставок, что и морским путем. После того, как была оставлена Варшава, проблема заключалась не только в недостаточном количестве ввозимых товаров, но и в том, что их перевозка осуществлялась по очень плохим дорогам. Очень скоро в городах России возникла нехватка промышленных товаров, как французских, так и английских. На это с первых же недель после своего назначения жаловался первый посол Наполеона в Санкт-Петербурге Савари.

³ Пруссия не только теряла свои польские территории, но и должна была выплатить Франции очень большую военную контрибуцию (150 миллионов). Великая армия оставалась на ее территории до окончания выплат.

западного направления, с Балкан и из Средиземноморья, он запер ее в ее восточных пределах. За счет вовлечения ее в антианглийский экономический крестовый поход, он усиливал собственные позиции, ослабляя ее еще больше. Мыслимо ли, чтобы российский император согласился терпеть это долго?

В декабре 1807 г. Россия вступила-таки в конфликт с «вероломным Альбионом», но при этом в декларации, объявлявшей войну, о Блокаде не было сказано ни слова. Тем не менее, за несколько месяцев российско-английский торговый оборот сократился в десять раз. Не беря на себя никаких новых обязательств в этом направлении, царь подготавливал для себя пути к отступлению – как во внешней (с Англией), так и во внутренней политике (с российской торговой буржуазией и помещичьей верхушкой). Чтобы противостоять вероломству царя, Наполеон с этого момента стал прикладывать усилия для нейтрализации Балтики, множа союзы и даже аннексии – в частности, захватив прибрежные области Северной Германии и Голландии. После победы над Австрией в 1809 г. он увеличил территорию герцогства Варшавского и прочно закрепился на берегах Адриатики, создав на месте современных Боснии и Герцеговины Иллирийские провинции.

Александр же вел свою игру. В ходе нового свидания с Наполеоном – в Эрфурте в начале октября 1808 г. – он, как водится, был с ним очень любезен, но при этом отказался подчиниться его желанию углубить союз. Хуже того, поощряемый Талейраном, он иногда дерзко возражал своему собеседнику, что не мешало императору французов написать Жозефине: «Я доволен Александром, а он должен быть доволен мной: будь он женщиной, я мог бы сделать его своей любовницей». Не исключено, что великий человек оказался переигран своим собеседником. Вскоре, однако, он прозрел, и у него (наконец) появились сомнения в искренности союзника. Спустя короткое время он получил еще одно свидетельство вероломства России – это случилось в ходе Ваграмской кампании (1809). Если бы царь был верным союзником, он должен был бы выступить на стороне императора французов. На деле же его войска лишь мешали вступить в бой «варшавской» армии (так назвал ее Наполеон, не желая использовать название «польская»), а сами ни разу не атаковали австрийских солдат. Союз, таким образом, просуществовал лишь немногим более полутора лет. Воодушевленный трудностями, с которыми французы

столкнулись в Испании, Александр стал серьезно готовиться к реваншу. Он продолжил свою политику систематических нарушений Континентальной блокады и весной 1811 г. выдвинул свои войска к границам Варшавского герцогства, но потом все же решил не провоцировать войну. В те дни, когда Наполеон искал себе новую императрицу, он отказался отдать ему в жены одну из своих младших сестер и тем способствовал тому, что выбор пал на Марию-Луизу Габсбург... о чем в дальнейшем горько пожалел. Видимо, царь, действительно, многому научился за эти несколько лет. Он был уже вполне состоявшимся политическим актером. Но он умел также играть мускулами, особенно теперь, когда французская армия увязла в Испании и показала на полях сражений с Австрией, что она уже не такая непобедимая, как прежде. Например, он достаточно агрессивно выказал свое неудовольствие в связи с захватом Францией герцогства Ольденбургского, которым правил родственник Романовых – Петр Фридрих Вильгельм Ольденбургский, регент и наследник трона, был родным дядей Александра I по матери.

Все условия для начала большого конфликта были налицо – несмотря на усилия французского посла Коленкура, который был отозван в Париж под благовидным предлогом. Столкновение стало неизбежным, когда в конце апреля 1812 г. Россия направила Французской империи ультиматум с требованием отвести все войска от границы.

Война на полное уничтожение

Ответ, который вознамерился дать на эти угрозы Наполеон, отражал степень его могущества. Он приготовился ни много ни мало к «последней войне» – крестовому походу Запада против «северных варваров». Осенью 1811 г. он собрал на берегах Немана армию «двунадесяти языков», состоявшую из французов, поляков, португальцев, испанцев, итальянцев, голландцев, швейцарцев, а также контингентов его союзников из Рейнской конфедерации, и даже австрийцев и пруссаков. Начиная с 22 июня 1812 г. реку перешло более 500 тысяч человек. Французы думали, что вскоре смогут сойтись с противником в решающем сражении. Как известно, они ошибались. При полной поддержке царя русские генералы решили завлечь неприятеля как можно дальше вглубь бескрайних просторов своей страны, вынудив растягивать коммуникации и опустошать свои запасы. Русские оставили Вильно, Витебск, за-

тем Смоленск, согласившись принять генеральное сражение лишь в ста двадцати километрах от Москвы, на берегу Москвы-реки, у деревни Бородино. В отличие от того, что было под Аустерлицем и в конце кампании 1807 г., Александр благоразумно устранился от командования, взяв на себя лишь второстепенное военное руководство и утвердившись при этом в роли «отца нации». Множество русских откликнулось на его призыв к народной войне.

7 сентября 1812 г. Наполеон одержал на берегах Москвы-реки пиррову победу, открывшую ему путь на Москву. Спустя неделю он вошел в город. И тогда он попытался вновь вступить в контакт со своим «добрым братом» Александром, но тот остался глух к его призывам... конечно, в переносном смысле, хотя он и вправду был туг на ухо. Зная, что его противник находится в затруднительном положении, он не имел ни малейшего интереса открывать ему путь к отступлению. Все обращения Наполеона так и остались без ответа. После 35 дней, потерянных в Москве, которую приказал поджечь генерал-губернатор Ростопчин, началось отступление французов и крестный путь «Армии двенадцати языков». 8 ноября она дошла до Смоленска, где пробыла до 14-го числа. Дальнейшее отступление происходило в ужасных условиях: температура достигала рекордных значений, порой до -30° ночью, казаки нападали на отставших, а войска русских непрерывно атаковали. Несколько армий царя вот-вот должны были взять в кольцо остатки наполеоновских войск. Чтобы не дать этому произойти, французским и польским понтонёрам пришлось погибнуть в ледяной воде при строительстве мостов через Березину, по которым беспорядочно ринулись беглецы, дабы избежать полного разгрома. И хотя от русских удалось оторваться, последующие события были еще ужаснее: на этот раз генерал Мороз немилосердно уничтожал прибывающие свежие силы. В войсках началась паника. 5 декабря Наполеон покинул остатки своей армии и вернулся в Париж. Он оставил командование Мюрату, который, в свою очередь, передал его Евгению Богарне. В любом случае, командовать было уже практически нечем. Прибытие уцелевших в Вильно ознаменовало собой конец отступления, но не конец испытаний. То, что было успешно начато боями и морозами, довершила эпидемия тифа: за нескольких дней от нее умерло около 10 000 уцелевших. С 12 по 15 декабря остатки наполеоновской армии переправились через Неман.

Александр вышел победителем во втором раунде. Отныне он видел себя спасителем Европы: с ним был Бог, сделавший его своей карающей дланью. Теперь он уже не упустит свою добычу, а вместе с тем – возможность осуществить заветные внешнеполитические цели. Он начал с того, что захватил герцогство Варшавское и разместил там свои войска. Затем он двинулся в Германию. «Или он, или я», – говорил он в ту пору, имея в виду Наполеона. Покинутый своими союзниками, тот, на первом этапе кампании 1813 г., все еще питал иллюзии, а потому поначалу не соглашался идти ни на какие уступки. Однако разгром под Лейпцигом (16-19 октября) вынудил его отступить внутрь национальных границ в ожидании наступления противников. В союзнических штабах Александр давал понять, что он главный – единственный, кто способен обеспечить победу коалиции. После нескольких драматических моментов в ходе французского похода он, в сопровождении своего должника – короля Пруссии – вошел в Париж и взял ситуацию под личный контроль.

Рыцарственный и требовательный победитель

Дальнейшие политические шаги Александра характеризовались, с одной стороны, ясным видением будущего Франции, с другой – неуместным великодушием по отношению к побежденному. Русский император доверил ловкому Талейрану разрешение французского кризиса. Сам же он поселился в особняке Хромого дьявола⁴ на улице Сен-Флорантен. Какое-то время Александр вынашивал планы посадить на освободившийся трон шведского наследного принца и бывшего маршала Империи Бернадота, но затем признал, что более приемлемым вариантом будет реставрация Бурбонов. А посему он приказал, чтобы оккупация столицы осуществлялась деликатно и дружелюбно, что снискало ему поистине огромную популярность в период пребывания во французской столице. Всем нравился этот красивый молодой человек 37 лет от роду, прямой и простой в общении. Памятуя об уроках своего наставника швейцарского философа Лагарпа, он хотел прослыть либералом в глазах европейской публики, оставаясь при этом самодержцем внутри собственной империи. На эту удочку попалась Мадам де Сталь, восхвалявшая его за «отсутствие помпезности» и «утонченную простоту». Напускная или искренняя, его умеренность стала залогом сохранения национальных интересов Фран-

⁴ Прозвище Талейрана – *Прим. пер.*

ции – в обмен на отказ от большей части завоеваний Революции. Чтобы упрочить сей благородный образ, Александр проявил доброжелательность в вопросе о дальнейшей судьбе Наполеона, заблокированного в замке Фонтенбло и покинутого большинством военных сподвижников. Он обсудил этот вопрос наедине с Коленкурром и даровал суверенитет острову Эльба, находившемуся всего в десяти километрах от побережья. Когда Меттерних, Каслри и Талейран заметили ему, что это неосторожно, он заставил их замолчать: ведь он дал слово государя и не собирался его нарушать.

Таким образом, он откладывал на потом решение «проблемы Наполеона». Зато подписанный с Талейраном мирный договор был весьма дальновидным: разумеется, Франция должна была вернуться к границам 1792 года, но при этом немедленная эвакуация территорий не сопровождалась выплатой военных репараций, что способствовало дальнейшему росту в стране популярности русского царя.

Дуэль Александра и Наполеона на этом не закончилась. Она возобновилась менее чем через год. Но на этот раз военную победу обеспечили англичане и пруссаки, разбившие французов в битве при Ватерлоо. В ходе второй оккупации Парижа союзники уже не согласились предоставить Александру полную свободу действий. Они, в частности, потребовали сослать «нарушителя мирового спокойствия» на остров Св. Елены, где, как они полагали, его в конце концов забудут. В любом случае, в ходе Венского конгресса, завершившегося 9 июня 1815 г., царь добился почти всего, чего хотел. Несмотря на серьезный кризис в отношениях с союзниками, он получил добро на создание Царства Польского, полностью подчиненного России (наместником стал великий князь Константин). В ходе переговоров о будущем Германии петербургские дипломаты также сказали свое веское слово, не столько сдержав, сколько поддержав претензии Пруссии: ведь их император был признан *де факто* арбитром в решении центрально-европейских проблем. Но это еще не все: отсутствие в Вене представителей Османской империи оставляло открытыми вопросы о продвижении России на Балканах и о проливах. Россия полностью вписалась в то, что называлось «европейским концертом» – объединение четырех держав-победительниц, присвоивших себе право решать возникавшие на континенте споры и навязывать свое видение баланса сил другим державам. Франция будет допущена в этот арео-

паг в 1818 г., Италия – только на рубеже XIX–XX вв. Вскоре после успеха в Вене Александр осуществил еще один внешнеполитический прорыв. Им стало основание Священного союза, объединившего христианских государей Европы. К союзу примкнули и приняли в нем деятельное участие католики Людовик XVIII, Франц I Австрийский и Фердинанд VII Испанский, протестант Фридрих Вильгельм III Прусский и даже англиканин Георг III (хотя и довольно вяло)⁵. Спустя чуть более десятилетия этот союз распадется, но европейский концерт и представление об общеевропейских корнях и интересах останутся.

По завершении дуэли между Наполеоном и Александром Англия могла спокойно властвовать над миром, и почти век никому не удавалось оспорить ее права. Но перетасовка карт в колоде оказалась более существенной, чем это принято считать, причем в пользу России, получившей отныне признание в качестве одной из главных *европейских* держав. Мечта Петра Великого, которую вслед за ним упорно, но столь же тщетно пыталась осуществить Екатерина II, была реализована молодым императором, не достигшим еще и сорока лет. В своих мемуарах Наполеон напишет о нем не слишком лестные слова, что, впрочем, несколько не удивительно: «Этот правитель имел такой лживый характер, что его речам нельзя было ни в чем доверять» или «Это настоящий византиец». Но осознание этого, увы, пришло слишком поздно. 5 марта 1821 г., когда император испустил свой последний вздох, Александру I также оставалось править уже недолго. Он ушел внезапно, 1 декабря 1825 г., если, конечно, не предпочел, как многие думают, тайно удалиться от мира и окончить свои дни в обличье отшельника Федора Кузьмича, скончавшегося в Томске, в Сибири, 1 февраля 1864 г.

*Перевела с французского языка
доцент РГГУ Ю.В. Ткаченко*

⁵ Священный союз был образован в результате подписания Парижского трактата 25 сентября 1815 года. Три первых подписанта (Франция, Австрия и Пруссия) обещали соединиться узами «действительного и неразрывного братства», проявлять «взаимное доброжелательство и любовь» для охранения «веры, правды и мира». Они признавали верховенство Того, «Кому собственно принадлежит Держава, поелику в Нем едином обретаются сокровища любви, ведения и премудрости бесконечные, то есть Бога, нашего Божественного Спасителя Иисуса Христа, Глагола Всевышнего, Слова жизни». К первым подписантам присоединились Испания, Пьемонт, Неаполь, Нидерланды, Дания, Португалия, Саксония, Швейцария, Бавария, Вюртемберг и около пятнадцати германских государств. Англия примкнула для проформы – чтобы потрафить царю, заявив при этом, что считает соглашение чисто символическим.

**MORTAL COMBAT OF EMPERORS:
NAPOLEON AND ALEXANDER I
(THE FRENCH POINT OF VIEW)**

On 25 June 1807, in Tilsit, Napoleon and Alexander embraced each other on a raft anchored to the center of the river Niemen. Two weeks later imperial France and imperial Russia signed a peace treaty and alliance in what has been called « dividing up the world between them ». The truth is that Tilsit was diplomatic play-acting, on both sides. On the one hand, Napoleon as victor was attempting to shore up French preponderance in Europe, leaving to his new ally merely dominance and surveillance in the East. On the other hand, the Emperor of Russia, beaten at Friedland after three years of war, wanted to reconstitute his forces before beginning again his traditional diplomacy inherited from Peter the Great and Catherine II of advancing towards the West, the South and the North. French and Russian interests were too diametrically opposed at the beginning of the 19th century for peace to have the tiniest chance of resisting the deep forces of geopolitics. War therefore began again five years later and ended, in the final analysis, with a triumph for Alexander relatively speaking.

Keywords: Napoleon I, Alexander I, Napoleonic wars, occupation, military history

*Thierry Lentz,
Director of the Napoleon Foundation*